

Бокова Оксана Александровна

КОНЦЕПТ "ТОСКА" В ИДИОСТИЛЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье подробно рассматривается репрезентация русского национально-специфичного концепта "тоска" в идиостиле Ф. М. Достоевского (на материале романов "Преступление и наказание", "Братья Карамазовы", "Бесы", "Подросток"). На основе проведенного анализа автор статьи делает вывод о том, что писатель не только отражает признаки этого концепта, характерные русской языковой картине мира, но и наполняет его новыми компонентами значения, что позволяет говорить о глубоком проникновении в менталитет русского народа и отнести концепт "тоска" к индивидуально-авторским концептам Ф. М. Достоевского.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 35-37. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**IDIOM AS POINT OF CONCEPTS INTERSECTION
(BY EXAMPLE OF GERMAN IDIOM *NUR BAHNHOF VERSTEHEN*)**

Bazhanov Aleksandr Evgen'evich
Moscow City Pedagogical University
briefs@yandex.ru

In the article the formation process of the concept sphere of the German linguo-ethno-cultural community is considered. As the polysemy research of idioms with the key word –Bahnhof’ shows, idioms play an important role in this process not only fixing the definite segmentation and categorization of national reality objects in the language that is naming certain concepts but verbalizing connections between separate concepts including the ones of mental sphere and artifacts world.

Key words and phrases: concept; concept sphere; conceptual space; semantic space of language; language picture of the world; idiom; –entries” into concept.

УДК 81-11

Филологические науки

В статье подробно рассматривается репрезентация русского национально-специфического концепта «тоска» в идиостиле Ф. М. Достоевского (на материале романов «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы», «Подросток»). На основе проведенного анализа автор статьи делает вывод о том, что писатель не только отражает признаки этого концепта, характерные русской языковой картине мира, но и наполняет его новыми компонентами значения, что позволяет говорить о глубоком проникновении в менталитет русского народа и отнести концепт «тоска» к индивидуально-авторским концептам Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова и фразы: менталитет; особенности национального менталитета; концепт «тоска»; индивидуально-авторский концепт; национально-специфичный концепт.

Бокова Оксана Александровна

Липецкий государственный педагогический университет
oxisupergirl88@mail.ru

КОНЦЕПТ «ТОСКА» В ИДИОСТИЛЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[©]

Одним из национально-специфичных концептов русского народа, отражающих его мировидение и национальный менталитет, является «тоска». Ю. С. Степанов в своем фундаментальном труде «Константы: словарь русской культуры» [11], посвященном разработке концептов русской культуры, отдельно выделяет концепты, получившие особые русские «собственные имена», к числу которых относит тоску. По мнению А. Д. Шмелева, это слово «ярко отражает специфику русской ментальности и соответствует уникальному русскому понятию» [12, с. 359]. Исследователь считает, что тоска – это «то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, то это обычно что-то утерянное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях» [13, с. 50-51].

Тоска не просто «тяжелое гнетущее чувство», «душевная тревога», как это определяется в словарях [10, с. 389]. Душевная тревога, несомненно, присуща представителям всех народов. Тоска же – одно из проявлений широты русской души, ключевая идея русского менталитета. Она представляет собой не столько чувство, сколько общее состояние души. Неудивительно поэтому, что этот концепт занимает значимое место в идиостиле (идиостиль понимается нами как совокупность речетекстовых характеристик отдельной языковой личности) одного из наиболее «русских» писателей – Федора Михайловича Достоевского. Герои Достоевского часто тоскуют, тоска мешает им жить, сопровождая их повсюду. Можно говорить о том, что практически в каждом романе «Великого Пятикнижия» есть «тоскующие» герои, однако в жизни некоторых из них тоска появляется эпизодически и не проявляет национально специфичных признаков, в то время как для других героев тоска – нечто более глубокое, сущностное, они тоскуют «по-русски». К таким героям относятся Родион Раскольников, Иван Карамазов, Андрей Петрович Версилов, Николай Ставрогин. У каждого из них – своя тоска, которая представляет собой словно деталь мозаики, и все вместе они могут дать целостное представление о тоске как исключительно русском чувстве.

Тоска сопровождает героя романа «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова на всем протяжении романа, от первой и до последней страницы. Слова с корнем *-тоск-* в связи с именем Раскольникова используются в романе около двадцати раз. Тоска Раскольникова – *безвыходная, страшная, холодная, мрачная, мертвящая, судорожная, сосредоточенная*. Интересно, что последние три эпитета являются индивидуально-авторскими, в то время как все остальные соответствуют русской языковой картине мира, что зафиксировано в Словаре эпитетов русского литературного языка К. С. Горбачевича, Е. П. Хабло [3, с. 456].

С момента зарождения в Раскольникове губительной идеи об убийстве старухи он постоянно находится в состоянии тоски: «Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной **тоски** своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире» [8, с. 25]. Когда Раскольников ходил «на пробу» преступления, это «чувство бесконечного отвержения, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от **тоски** своей» [Там же, с. 24]. Со временем тоска Раскольникова «нарасталла, накапливалась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения» [Там же, с. 61]. А уже после убийства старухи Раскольников чувствует новую, особенную тоску: «Какая-то особенная **тоска** начала сказываться ему в последнее время. В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего; но от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовались безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вечность на "аршине пространства"» [Там же, с. 445]. Возможно, это именно та тоска, которую Ю. С. Степанов определил как «тот страх, страх перед бытием, связанный с чувством греха и искупления» [11, с. 681]. Тоска не оставляет Раскольникова и на каторге. Избавиться от нее он смог только после своего раскаяния и воскрешения.

Тоска приводит Раскольникова к тяжелой болезни, горячке. Эту особенность – схожесть тоски с физической болью и даже болезнью – отмечают многие исследователи [2, с. 288]. Мать Раскольникова Пульхерия Александровна считает, что от тоски можно даже умереть: «– Вы думаете, – с жаром продолжала Пульхерия Александровна, – его бы остановили тогда мои слезы, мои просьбы, моя болезнь, моя смерть, может быть, с **тоски**?» [8, с. 230].

Итак, тоска сопровождает Раскольникова, который ищет ответы на сокровенные вопросы о смысле жизни, когда он, попав во власть разрушительной идеи, совершает преступление. Его тоска, по определению Н. А. Бердяева, «направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира» [1, с. 60]. Она вырывает Раскольникова из мира обыденности, повседневности, напоминает о смысле существования. И лишь когда он нашел смысл своей жизни – в любви к Соне, к Богу, к людям, – тоска перестала его мучить, он почувствовал счастье.

Другой род тоски испытывает герой романа «Подросток» Андрей Петрович Версиров. Об этом он говорит в откровенном разговоре со своим сыном Аркадием Долгоруким. В их диалоге находят отражение мысли Достоевского о всемирном назначении русского человека, однако в нем также четко прослеживается образ русской тоски. Версиров страдает «всемирным болением за всех». Это «боление» и мечта сделать всех людей счастливыми и является причиной его тоски, которая заставила его покинуть Россию: «я просто уехал тогда от **тоски**, от внезапной **тоски**» [7, с. 502]. Эту тоску он называет «дворянской», «европейской», «русской», ее он повез в Европу. Тоску Версирова можно сравнить с «тоской по небесному отечеству, по утерянному раю», о которой говорит А. Д. Шмелев [13, с. 51].

Традиционно тоска считается негативным чувством, так как она в той или иной мере связана с безнадежностью, отчаянием, мешает нормальной человеческой деятельности. Однако Версирова именно эта тоска делала свободным, более того, «он был счастлив, да и мог ли он быть несчастлив с такою тоской?» [7, с. 510]. «Да я за **тоску** мою не взял бы никакого другого счастья» [Там же], – говорит он. Такое понимание тоски сродни национальному, народному пониманию, оно свидетельствует о глубоком проникновении писателя в сокровищницу русской души, в национальный менталитет. Эта особенность понимания тоски отмечена в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под редакцией Ю. Д. Апресяна, где о ней говорится как о «присутствии в этом чувстве внутреннего света (что приятно субъекту)» [9, с. 445].

В романе «Братья Карамазовы» наиболее глубокой оказывается тоска Ивана Карамазова. После разговора с Алешей, в котором Иван высказал свои сокровенные мысли о Боге, «на него напала вдруг **тоска** нестерпимая и, главное, с каждым шагом, по мере приближения к дому, все более и более нарастающая» [5, с. 300]. Достоевский отмечает, что Ивану Федоровичу часто приходилось тосковать, но в этот раз он «никак не мог определить, в чем **тоска** состояла» [Там же]. В его душе была тоска нового и неизведанного, так как он собирался уезжать из дома, тоска от прощания с Алешей и от стыда за их неудачный, по его мнению, разговор. Однако была и другая тоска: «**Тоска** до тошноты, а определить не в силах, чего хочу» [Там же, с. 301] – так говорит о ней Иван. По дороге в Москву в душе Ивана опять появилась тоска: «утром в дороге так вдруг **затосковал**, а въезжая в Москву, сказал себе: "я подлец!"» [6, с. 323]. Причина этой тоски стала ему понятна только после третьего разговора со Смердяковым, когда Иван окончательно уверился, что тот является убийцей Федора Павловича, а следовательно, и он сам причастен к этому убийству. Во время этого разговора «он был в страшной **тоске**» [Там же, с. 345]. Придя домой, он «почувствовал, что болен и бессилён» [Там же, с. 349]. Болезнь его, основанная на тоске, привела к галлюцинациям и сумасшествию.

Итак, тоска Ивана Карамазова возникает в тот момент, когда он, сам того не осознавая, становится причастен к смерти своего отца. Эта тоска как бы сигнализирует ему, что он делает что-то не так, заставляет его вновь и вновь задумываться о том, кто убийца. Здесь в наибольшей степени проявляется тот факт, что тоска – «нечто не зависящее от отдельного человека и его превосходящее, то есть существующее вне человека, в природе» [9, с. 444]. Тоска Ивана появилась тогда, когда он еще не осознал ее причины.

Алеша уверен, что Иван не убивал отца и совесть его чиста, но Иван не выдерживает эту тоску и сходит с ума: «Бог, которому он не верил, и правда его одолевала сердце, все еще не хотевшее подчиниться» [6, с. 432].

Еще более трагичным оказывается переживание тоски в жизни героя романа «Бесы» Николая Ставрогина. Под влиянием своего наставника Степана Трофимовича Ставрогин распознает «ту вековечную, священную **тоску**, которую иная избранная душа, раз вкусив и познав, уже не променяет потом никогда на дешевое удовлетворение» [4, с. 51]. Эта тоска сопровождает его всю жизнь, заставляет пуститься в разврат, совершить

множество подлых поступков, в конце концов приводит к самоубийству. При этом Ставрогин признает, что именно в России он *«более чем в другом месте не любил жить»* [Там же, с. 643]. Возможно, это связано с тем, что русская тоска несет на себе печать русских пространств. Именно от избытка места русский человек тоскует и мается. Поэтому Ставрогин хочет уехать в Ури, где *«горы теснят зрение и мысль»* [Там же].

Тоска Ставрогина указывает на этимологическую связь этого слова с понятием «физической пустоты, незаполненности» и «силы». Тоска – опустошающая сила, которая воздействует на человека, не позволяя ему найти смысл своей жизни [2, с. 33-39].

Итак, анализ романов Федора Михайловича Достоевского «Бесы», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание» и «Подросток» показал, что образ тоски занимает в них значимое место. Тоска у Достоевского – национально русское чувство, присущее только русскому менталитету; можно говорить о тоске как об индивидуально-авторском концепте Достоевского. Тоску, несущую на себе печать русских пространств, представляющую собой «тоску по небесному отечеству» и «страх перед бытием, связанный с чувством греха и искупления», освещенную внутренним светом, чувствуют Раскольников, Версиков, Иван Карамазов, Ставрогин. Тоска появляется в особо значимые минуты их жизни, когда решается судьба, и у каждого она имеет разный исход. Для Версикова тоска – скорее способ мироощущения, она вносит в его жизнь более глубокий смысл, позволяет жить ярче, *«в тоске и счастья»*. В жизни Раскольникова тоска появляется, когда его душой овладевает богопротивная идея «все дозволено», приведшая его к убийству. Однако Раскольников оказывается достаточно сильной личностью: с помощью Сони и любви к Богу он сумел возродиться к новой жизни. Душа Ивана Карамазова подвержена бого- и человекопротивным идеям гораздо сильнее. Недаром Смердяков заявляет, что он, *«как Федор Павлович, наиболее-с, из всех детей наиболее на него похожим вышел, с одною с ними душой-с»* [6, с. 215]. Иван совершает преступление, сам того не замечая, и только беспричинная тоска подсказывает ему, что что-то происходит не так. В итоге он не сумел найти в себе сил справиться со своей тоской и возродиться, как Раскольников, и сошел с ума.

Наиболее драматична судьба Ставрогина, который, познав «священную» тоску еще в юности, не мог избавиться от нее в течение всей своей жизни. Все попытки найти себя не привели к успеху, и Ставрогин покончил жизнь самоубийством. Возможно, это связано с событиями, происходившими в России, подрывом веры в Бога, истину, любовь к людям. Ставрогин оказался жертвой социальных перемен, которые в конце концов привели к разрушению всего многовекового традиционного устоя русской жизни.

Можно сделать вывод о том, что для Достоевского тоска – чрезвычайно важное понятие, сопровождающее русского человека в самые важные жизненные моменты; это тяжелое гнетущее чувство, которое охватывает человека, мешает его нормальной жизнедеятельности, приводит к отчаянию, болезни, даже смерти. В то же время Достоевский актуализирует в своем творчестве и специфическое восприятие тоски как чувства, которое освобождает человека и приводит его к истинному счастью, к открытию подлинной сущности мира. Именно в тоске находит свое выражение присущее человеческой природе стремление к смыслу жизни.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. 398 с.
2. Вертелова И. Ю. Семантические истоки идей грусти, печали и кручины в русском языковом сознании // Слово в тексте, словаре и культуре: сб. статей. Калининград: Изд-во Калининградского университета, 2004. 350 с.
3. Горбачевич К. С., Хаблю Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. 567 с.
4. Достоевский Ф. М. Бесы: роман. СПб.: Азбука, 2000. 704 с.
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман: в 4-х ч. с эпилогом. М.: Современник, 1981. Ч. 1, 2. 368 с.
6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман: в 4-х ч. с эпилогом. М.: Современник, 1981. Ч. 3, 4, эпилог. 542 с.
7. Достоевский Ф. М. Подросток. М.: АСТ, 2001. 624 с.
8. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: АСТ; ОЛИМП, 1999. 704 с.
9. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. Вып. 1. 552 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984. Т. 4. 800 с.
11. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
12. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 490 с.
13. Шмелев А. Д. «Широкая» русская душа // Русская речь. 1998. № 1. С. 48-55.

CONCEPT “MELANCHOLY” IN F. M. DOSTOYEVSKY’S INDIVIDUAL STYLE

Bokova Oksana Aleksandrovna
Lipetsk State Pedagogical University
oxisupergirl88@mail.ru

In the article the representation of the Russian national-specific concept “melancholy” in F. M. Dostoyevsky’s individual style (by the example of the novels “Crime and Punishment”, “The Brothers Karamazov”, “Demons”, “The Adolescent”) is considered in detail. On the basis of the conducted research the author concludes that the writer does not only show the signs of this concept, which are typical of the Russian language world picture, but fills it with new components of meaning that allows speaking of deep penetration into the Russian folk mentality and referring the concept “melancholy” to the individual author’s concepts of F. M. Dostoyevsky.

Key words and phrases: mentality; features of national mentality; concept “melancholy”; individual author’s concept; national-specific concept.